

С.А. Яценко

доктор исторических наук,

профессор кафедры истории и теории культуры РГГУ

sergey_yatsenko@mail.ru

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ЮВЕЛИРНОГО ИСКУССТВА АХЕМЕНИДСКОГО ИРАНА В КОЧЕВОМ МИРЕ: СОСТАВ И ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ПОЛУЧЕНИЯ

Один район концентрации ахеменидских золотых ювелирных изделий V-IV вв. до н.э. выявлен в степях Юго-Западной Сибири (Сибирская коллекция Петра I, купленная у грабителей для царской семьи). Второй район концентрации таких артефактов – Южный Урал, где они найдены в археологическом контексте у обоих полов, и их разнообразие полнее документировано. Состав изделий в обоих случаях соответствует информации греко-римских авторов о дарах «царя царей» за заслуги, его дипломатических и «ответных» дарах.

Оба района находились далеко от границ Империи, но были важными районами добычи пушнины (с Южного Урала ее было легче доставлять, поэтому он был ключевым пунктом торговых путей и позже). Ювелирные изделия демонстрируют расходы, которые несла первая «мировая империя» для обеспечения стабильной торговли мехами.

Ключевые слова: ювелирные изделия ахеменидского Ирана, концентрация в ЮЗ Сибири и на Южном Урале, царские дары, торговля мехами, V-IV вв. до н.э.

One area of concentration of golden Achaemenian jewelry V-IV centuries BCE identified in the steppes of SW Siberia (Siberian Collection of Peter I, bought from robbers for the tsar family). The second area of such artifacts concentration was the South Ural where they were founded in archaeological context for men and for women and their diversity was more fully documented. The composition of artifacts in both regions corresponds to the information of Greek and Roman authors on gifts of the “king of kings” for merits, on his diplomatic gifts and gifts in return. Both regions were far from the borders of the Empire, but were important areas of fur hunting (from the South Ural it was easier to deliver; therefore, it was also a key point of trade routes later). The jewelry wares demonstrates the costs incurred by the first “world Empire” to ensure a stable fur trade.

Keywords: jewelry wares of Achaemenian Iran, concentration in the SW Siberia and South Ural, king gifts, fur trade, 5th-4th cc.

Основой так называемой *Сибирской коллекции Петра I*, составившей ядро сокровищ Кунсткамеры и позже – Императорского Эрмитажа, послужили три подарка семье Петра I в 1715, 1716 и в 1721 годах. Все эти золотые изделия были обнаружены крестьянами-«бугровщиками» – грабителями курганов древних кочевников – в степях Юго-Западной Сибири, в довольно широкой полосе с запада на восток между средним течением р. Ишим и верховьями р. Обь. Сразу после смерти первого российского императора в Кунсткамеру были переданы 250 золотых художественных артефактов из этого региона [Руденко, 1962, с. 7, 11-12]. Замечу, что достойным подарком для царской семьи первоначально явно считались *только золотые вещи*; в них не включали важное для древних и персов, и культурно родственных им кочевников *серебро* (не говоря уже о бронзе, стекле и т.п.). Несколько предметов были добавлены Г.Ф. Миллером в 1734 году; еще позже в состав Сибирской коллекции попали лишь единичные вещи (не уточнялось – какие именно) из Самарканда и Астраханской губернии [Завитухина, 2000].

Большинство ювелирных изделий здесь созданы в центральноазиатских стилях племен Южной Сибири и более поздней кочевой державы Сяунну, вторая по численности группа относится к разным сатрапиям империи Ахеменидов; единичные вещи сделаны в сарматском вкусе и явно попали сюда

С.А. Яценко *Произведения ювелирного искусства ахеменидского Ирана в кочевом мире: состав и обстоятельства получения*

с закупкой в Астрахани (см. большой фалар упряжи: [Руденко, 1962, рис. 6; табл. V, 4; Siberia, 2001, No 59]); есть здесь и некоторые мелкие украшения средневековых тюрков (см., например, в форме сосудов: [Руденко, 1962, табл. XXI, 21-22]). Ниже я остановлюсь именно на *изделиях, выполненных в ахеменидской традиции*. Эти изделия в ряде случаев были инкрустированы бирюзой или эмальями. Среди них есть изделия разного художественного уровня: как выполненные в столичных мастерских Империи (к ним можно отнести только упомянутые ниже конское оголовье и две гривны с хищниками), так и явно более провинциальные изделия. К сожалению, мы не знаем археологического (погребального) контекста этих находок, однако это, на мой, взгляд, не является препятствием для решения поставленных здесь задач.

Прежде всего, рассмотрим *состав* ювелирных изделий, выполненных в стилистике ахеменидского Ирана. Самым массовым персидским изделием в Сибирской коллекции были разнотипные шейные обручи – *гривны* (9 экз., цельные или двух-трехчастные) (см. наиболее качественные изображения: [Руденко, 1962, табл. XII, 3; XIII, 1; Иванов, Луконин, Смесо́ва, 1984, илл. 2-5, 10; Siberia, 2001, Ns. 70, 72; Иран в Эрмитаже, 2004, №№ 5, 41, 42; Королькова, 2006, илл. 76-77; Мир кочевников, 2013, № 152]); изредка сохранилось только их зооморфные окончания [Руденко, 1962, табл. VI, 2]. На их концах обычно представлена пара (в одном случае – четверка) лежащих хищников, прежде всего кошачьих, иногда – только в виде голов (обычно львы или барсы, по одному случаю – львиноголовый грифон и волк); реже это травоядные (лежащие бараны), а на единичном наконечнике видим самца оленя с раскрытой во время гона пастью. Сегодня хорошо известно, что гривна была одним из важнейших атрибутов статуса именно *у кочевой знати* (родственной персам, ираноязычной или иранизованной), жившей севернее Империи [Яценко, 2006, с. 333-335]. Однако это не столь очевидно для *самых персов* того времени: у них гривна не изображается и упоминается (как царский подарок аристократам) реже, чем браслеты, колье, диадема и парадные (пурпурные и др.) одежды (ср.: [Там же, с. 327-328, 331-332]). Единственная реальная роскошная золотая гривна с самоцветами у необычного мужчины из бронзового гроба в Сузах – зимней резиденции «царя царей» [The Royal City, 1992 No. 171] – только подтверждает это правило.

Не меньше видим здесь и разнотипных *серег*, видимо – женских (не менее 8 экз., причем из них шесть – парных) [Там же, табл. XX, 5, 15-16, 18-19, 25, 31-32]. Они подчас имеют одну или три цепочки для подвесок, другие – колечко внизу. Они украшены зернью (часто – тройными крупными шариками), в одном случае – подвеской в форме цветка с эмалью. Куда меньше в Сибирской коллекции 2-3 витковых золотых *браслетов*, которые дошли до нас не парами, а единичными (2 экз.) [Руденко, 1962, табл. VII, 3-4]. Здесь на концах видим уже знакомые нам сюжеты: львиноголового грифона и головки баранов.

Сосуд (а их у грабителей брали только золотые) представлен один [Иванов, Луконин, Смесо́ва, 1984, илл. 9; Иран в Эрмитаже, 2013, № 39]. Это двуручная чаша с ручками – скульптурками львов. Серебряная ручка от сосуда того же металла (с изображением бегущего оленя) была уже позже добавлена Г.Ф. Миллером [Иванов, Луконин, Смесо́ва, 1984, илл. 12] и не входила в дары царской семье. Зная реальный состав известной сегодня ахеменидской драгоценной посуды, можно не сомневаться, что именно серебряная в находках «бугровщиков» на деле преобладала.

Гораздо интереснее тот факт, что большинство изделий, сегодня интерпретируемые как детали сосудов, были золотыми ручками *деревянных* кубков (6 экз.) [Иванов, Луконин, Смесо́ва, 1984, илл. 13, 15-16, 19, 23; Siberia, 2001, No 81]. Они имеют миниатюрную прямоугольную подставку, крепившуюся гвоздиками к деревянному тулову. В публикациях их размещают некорректно – стоящими в «обычном», как «в реальной жизни», положении, тогда как они наверняка образовывали ручку, на которой голова животного задиралась вверх, к устью сосуда (такую традицию ираноязычные осетины еще недавно объясняли тем, что «в сосуд с (зооморфной) ручкой злой дух не войдет»). Целая серия деревянных (из березового и кленового капа) кубков с зооморфными ручками дошла до нас от кочевых предков осетин – древних сарматов. Такой деревянный сосуд в

ахеменидо-скифское время, видимо, имел лишь одну подобную ручку. Все зооморфные персонажи на этих ручках представлены в динамике – в позе бега или приостановки, высматривающими или терзающими добычу (орлы). Здесь мы видим самца и самку оленя или сидящего орла (в одном случае – терзающего лебедя), единичного кабана. Имеется в Сибирской коллекции и одно подражание подобным ахеменидским ручкам, но с сугубо местным сюжетом (скачущий всадник-лучник, стреляющий под ногами в невидимое нам животное) [Siberia, 2001, No 80]; его специфические детали костюма и прически характерны для Южной Сибири.

Важна для нас еще одна, численно самая маленькая в Сибирской коллекции категория изделий – *детали парадной конской упряжи*. Недавно на основе параллелей в деревянных деталях погребальной узды пазырыкской культуры Алтая было высказано обоснованное предположение, что т.н. «эгрет» – роскошное, столичной работы плоскостное изображение с гигантским орлом, терзающим горного козла – это *налобник* дорогого породистого коня [Иран в Эрмитаже, 2013, с. 49, № 50]. С высокой долей вероятности к упряжи относится и плоское золотое кольцо с ободком в виде цепочки из пяти однотипных идущих птиц [Siberia, 2001, No 69].

Естественно, возникает вопрос: *как могли попасть целые сериш столь дорогих и престижных золотых ахеменидских изделий так далеко от границ Империи?* Какие культурные, политические или экономические процессы они отражают? Мы наблюдаем *концентрацию* драгоценных атрибутов ахеменидской знати во владениях нескольких степных кочевых орд (видимо, ираноязычных или иранизированных), далеко от любых центров цивилизации. Состав изделий, предназначенных для лиц *обоих полов*, предполагает *не торговлю* (такими изделиями персы, как и другие народы той эпохи, не торговали) и *не военные трофеи* (так как племена Юго-Западной Сибири жили далеко от имперских границ, да и боевых трофеев *от других соседей* у них в могилах нет). Таких изделий в данном регионе явно было в курганах знати немного (а после изрядных стараний «бугровщиков» начала XVIII в. новые образцы там до сих пор не обнаружены).

Интересно сравнить перечень типов изделий Сибирской Коллекции с теми, которые родственные персам *ираноязычные подвластные народы (кочевые и оседлые) дарили правителю на Науруз*. Они представлены на рельефах ападаны Ксеркса в предполагаемой новогодней резиденции царей – в Персеполе (Parsa) (кочевые: делегация – XI – саки-тиграхауда; делегация XVII – саки-хаумаварга; оседлые: делегация I – мидийцы; делегация III – парфяне) (ср.: [Tourovets, 2001, figs. 3, 6, 8]). Они несут в качестве даров государю, прежде всего, золотые костюмные аксессуары (браслеты), парадные одежды, различные сосуды из золота или серебра, иногда от кочевников – короткие мечи (видимо – в золотых ножнах, у хаумаварга), ведут породистых коней с парадной сбруей. Драгоценную упряжь с лошадьми дарили союзники и кочевым ираноязычным скифам (см. дары фракийцев-одириссов в царском кургане Огуз [L'or der rois Scythes, 2001, No 32]). В целом этот список (за исключением коротких мечей) *совпадает с тем, что мы видим в Юго-Западной Сибири*. Что касается золотых мечей, то они были атрибутом царской власти, а также культовым предметом [Вертиенко, 2015, с. 189-191] и очень редко дарились «варварским» правителям более низкого ранга (исключение: Her. Hist. VIII, 120). Важнейшими символами статуса ахеменидских царей были его особая *диадема и пояс из золота* [Яценко, 2006, с. 327-328]. Понятно, что их не могли дарить царю *после* его восшествия на престол. Мы также знаем, что дарили персы *членам иностранных посольств*: эти дары включали, прежде всего, дорогие одежды (которые персы часто украшали фигурными золотыми аппликациями) и костюмные аксессуары из золота – браслеты и особое кольцо (Aelian. Var. Hist. I, 22) [Yatsenko, 2010, S. 47]. В Иране при ахеменидской династии формально *только царь царей* имел право дарить *мужские атрибуты из золота* (в их число обычно включали гривны, браслеты и конскую упряжь и конь в придачу), иногда особую мужскую диадему (Her. Hist. VIII, 84; Xen. Anab. I, 7, 7; Есф. 6, 7-10) или (для персидских аристократов или лояльному подвластному городу) парадный меч (Her. Hist. VIII, 120; Xen. Anab. I, 2, 25; Xen. Cyr. VIII, 2, 8-9 и 5, 18; Plut. Artax. XV, XXI; Есф. 6, 7-10), иноземным воинам – даровать право носить парадную персидскую одежду

С.А. Яценко *Произведения ювелирного искусства ахеменидского Ирана в кочевом мире: состав и обстоятельства получения*

(Plut. Alex. XXXI). У персидского владыки было принято также одаривать драгоценными одеждами и костюмными аксессуарами *и женщин*, воодушевлявших мужчин на важные дела (Хен. Куг. VIII, 5, 18) [Яценко, 2006, с. 339].

Для того, чтобы лучше понять, как и почему попали в Юго-Западную Сибирь драгоценные вещи Ахеменидов, рассмотрим их состав *во втором районе* кочевого мира, где наблюдается их концентрация – **на Южном Урале**. Действительно, на всей огромной территории великой евразийской Степи таких района выявлено всего два (!). На Южном Урале находки были обнаружены, к счастью, не грабителями, а профессиональными археологами; благодаря этому хорошо изучена та культурная среда, в которой эти артефакты оказались [Влияния, 2012]. Круг ахеменидских художественных импортов здесь весьма широк, но *ювелирные изделия* найдены всего в семи некрополях в среднем течении р. Урал, в полосе около 500 км длиной с запада на восток, от г. Уральск до пос. Новый Кумак (с запада на восток: Таксай I, Долинное, Кырык-Оба II, Лебедевка II, Филипповка I, Прохоровка, Новый Кумак) (ср.: [там же, Карта 1]). Они почти в равной мере представлены как в мужских, так и в женских могилах.

Особенно показательны многочисленные находки такого рода в «царском» курганном могильнике *Филипповка I*. В мужских погребениях курганов 1 и 4 здесь мы видим целые наборы разнотипных серебряных и золотых персидских сосудов [Там же, рис. 64; 82; 121]. Здесь есть и золотая зооморфная ручка деревянного сосуда, хотя и иного облика, чем найденные в Юго-Западной Сибири [Там же, рис. 64, 5]. Представлены также серебряные детали трона [Там же, рис. 123] и золотая конская упряжь [Золотые олени, 2002, с. 16]. В мужских могилах Филипповки (курган 4), несмотря на ограбления, встречены и золотые бляшки от драгоценной персидской одежды (погребение 4, у обоих супругов) и браслеты (гладкие, того типа, что мы обычно видим на изображениях в Персеполе, и с фигурками волков, погребение 5), и гривны (курган 4, погребение 2). В Филипповке также найдены детали особых ожерелий аристократов (курган 15, погребение 1), парадные боевые ножи с зооморфной рукоятью (курган 4, погребение 2) и «оселки» (пробирные камни) с золотым декором, которые могли в этих краях использоваться для заточки клинков (курган 29, погребение 2) [Влияния, 2012, рис. 88, 5-6; цв. табл. 22, 1; 28, 1; 30, 1; 34, 1-3]. В более скромных некрополях этого региона (Новый Кумак, Долинное) у мужчин видим сочетание персидских гривны и серебряного ритона с протомой коня [Там же, рис. 34, 1-2; 118, 1-2]. У *женщин* Южного Урала из персидских ювелирных вещей обнаруживаем, прежде всего, *аксессуары костюма*: это гривны (Филипповка I, курган 4) и браслеты с парой копытных (там же и Таксай I). У женщин также велико разнообразие персидских серег, чаще всего с подвесками (шарик с зернью, стилизованные орешки бука, лунницы), в пяти некрополях (Филипповка I, Таксай I, Кырык-Оба II, Лебедевка II, Прохоровка); известны также подвески головного убора с фигуркой кабана (Филипповка I, курган 1), амулеты и медальоны, иногда встречена серебряная посуда (Прохоровка, курган Б) [Там же, рис. 106, 4; 120 1; цв. табл. 10, 1; 15, 3-4; 16, 3; 21, 1, 6; Алтынбеков. 2013, с. 42, 44, 58; Сдыков, Лукпанова, 2013].

Итак, в обоих регионах в отдельных могилах представлены *целые комплекты* престижных ювелирных атрибутов ахеменидской аристократии (здесь не учитываются документируемые также на Южном Урале стеклянная посуда, шкатулки, зеркала, бусы, сосуды из алебаstra, деревянные гребни с резьбой и т.п.). Перед нами не случайная, хаотическая смесь, а фактически основные изделия, которыми пользовалась персидская знать. Показательно также, что мужчины и женщины кочевников на Урале использовали именно те ювелирные изделия, которые полагались и *персам* определенного пола. На мой взгляд, комплекты ювелирных украшений, оказавшиеся в могилах кочевников Западной Сибири и Южного Урала, могут быть только *дарами* – *результатом «царского покровительства» или дипломатическими* (скорее – не центрального правительства Империи, а *наместников пограничных сатрапий* в Средней Азии, формально – от имени «царя царей»), в том числе – *ответными* (ср. Her. Hist. VIII, 120). Их перечень в целом соответствует тем очень богатым комплектам подарков правителям, важным посольствам или отдельным общинам, которые описывались выше для персов V-IV вв. до н.э.

Однако вернемся к уже заданному мною вопросу. *Зачем ахеменидской администрации было делать неоднократные роскошные подарки именно тем кочевникам, которые проживали очень далеко от границ Империи?* Насчет Южного Урала я допускал предположение, что они могли быть дарами властей Хорезма, которые боролись за независимость от Ахеменидов на рубеже V-IV вв. до н.э. (у хорезмийцев, как у недавних подданных Империи, могло сохраниться какое-то число драгоценных персидских изделий) [Яценко, 2011, с. 509, прим. 11]. Однако не стоит преувеличивать подобные хорезмийские запасы; к тому же это никак не объясняет попадание ахеменидских ювелирных изделий примерно в той же комплектности в гораздо более удаленную Юго-Западную Сибирь.

Думаю, убедительный ответ на такой вопрос сегодня может быть лишь один. Оба этих региона объединяет только то, что в старину *они были богаты как золотом, так и ценной пушниной* (которая в Иране была престижна до недавних пор). И если золото было и в разных владениях Империи (в «стабильных» Бактрии и Индии, в периодически отлагавшемся Египте и недолго контролировавшейся Фракии), то от хорошей *пушины* никто (и в те времена, и много позже) не отказывался. Именно это сочетание дорогих ресурсов могло заставлять имперскую администрацию делать ценные подарки семьям кочевой знати для поддержания меховой торговли. При этом Южный Урал обладал ощутимыми преимуществами, так как для доставки ценного сырья в Империю здесь имелся *короткий и прямой путь* по воде в меридиональном направлении (по р. Урал и затем – через Каспий). Показательно и то, что в этот же период именно *Южный Урал* (богатый также многими красивыми минералами) посещали и торговцы из находившейся на западе *Скифии*, использовавшие по пути переводчиков с семи основных языков (Herod. IV.24), и их путь с низовьев Днепра оставил вдоль маршрута специфические материальные свидетельства в виде ольвийских зеркал с зооморфной ручкой и др. [Членова, 1983]. Позже, в римское время (для I в. н.э.) в династийной хронике «Хоуханьшу» / 後漢書, гл. 88, описана т.н. «северная дорога» торговцев и дипломатов из столицы Китая на запад. Важно, что она официально заканчивалась в далекой *стране Янь / 嚴 на Южном Урале*, откуда привозили соболей [Yatsenko, 2019, Fig. 3]. Она же фигурирует позже в более подробном отчете Чэн Шоу («Саньгочжи» / 三國志, 30) [Яценко, 2017, с. 259].

И позже, при Сасанидах, мы видим высокую концентрацию дорогой серебряной посуды из царских мастерских Ирана в одной из главных тогда зон добычи мехов в Европе – на Среднем и Северном Урале (см. в основных сводках: [Смирнов, 1900; Орбели, Тревер, 1935, с. XI-XII]). Именно серебряная посуда была в те времена, судя по письменным источникам, одним из основных видов даров шаха и его наместников как знати, так и важным представителям иноземной элиты.

Итак, памятники ахеменидского ювелирного искусства из Юго-Западной Сибири (и в еще большей степени – с Южного Урала), вероятно, *иллюстрируют нам те расходы, которые несла первая в истории «мировая империя» для обеспечения стабильной торговли мехами.*

После гибели Империи к 330 г. до н.э. кочевая знать иногда продолжала использовать отдельные ахеменидские парадные вещи, но уже без соответствующего почтения, вполне варварски (в кургане 5 в Пазырыке, парадная одежда была разрезана и превращена в деталь конской попоны [Иран в Эрмитаже, 2001, № 49]; на Южном Урале (Бурлдурта) золотая пластина с высокохудожественной гравировкой оленя была также нарезана на кусочки и превращена в окантовку края деревянной чаши [Сдыков, Гуцалов, Бисембаев, 2003, цв. табл.]).

ИСТОЧНИКИ

1. Золотые олени Евразии / Под ред. Р.Г. Кузеева и М.Б. Пиотровского. – Санкт-Петербург: Славия, 2002.
2. Иванов А.А., Луконин В.Г., Смесова Л.С. Ювелирные изделия Востока. Древний, средневековый периоды. Коллекция Особой кладовой Отдела Востока Государственного Эрмитажа. – Москва: Искусство, 1984.
3. Иран в Эрмитаже. Формирование коллекций. Каталог выставки / Под ред. М.Б. Пиотровского. – Санкт-Петербург: Славия, 2004.

С.А. Яценко *Произведения ювелирного искусства ахеменидского Ирана в кочевом мире: состав и обстоятельства получения*

4. Мир кочевников из археологических коллекций Государственного Эрмитажа / Под ред. М.Б. Пиотровского. – Санкт-Петербург: Славия, 2013.
5. L'or der rois Scythes / Director E.D. Reeder. – Paris: Réunion des Musées nationaux, 2001.
6. Siberia. Gli uomini dei fiumi ghiacciati / a cura di G.A. Popescu, A. Alekseev, Ju. Piotrovskij. – Milano: Electa, 2001.
7. The Royal City of Susa. Ancient Near Eastern Treasures in the Louvre / ed. by Harper P.O., Aruz J., Tallon F. – New York: Metropolitan Museum of Art, 1992.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алтынбеков К. Возрожденная из пепла. Реконструкция по материалам погребения жрицы из комплекса Таксай I. – Алматы: Остров Крым, 2013.
2. Вертуенко А.Н. Сарматские церемониальные кинжалы в контексте иранских представлений // Древние культуры, обряды, ритуалы: памятники и практики / Гл. ред. Е.П. Токарева. – Зимовники: Зимовниковский краеведческий музей, 2015. – С. 184-193.
3. Завитухина М. П. Пётр I и Сибирская коллекция Кунсткамеры // Из истории петровских коллекций / Под ред. Н.В. Калязиной. – Санкт-Петербург: Гос. Эрмитаж, 2000. – С. 14-26.
4. Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V-III вв. до н.э.). Т. 2. / Под ред. М.Ю. Трейстера и Л.Т. Яблонского. – Москва: Таус, 2012.
5. Королькова Е.Ф. Властители степей. – Санкт-Петербург: Гос. Эрмитаж, 2006.
6. Орбели И.А., Тревер К.В. Сасанидский металл. Художественные предметы из золота, серебра и бронзы. – Москва; Ленинград: Academia, 1935.
7. Руденко С.И. Сибирская коллекция Петра I (Свод археологических источников. Вып. ДЗ-9). – Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1962.
8. Сдыков М.Н., Гуцалов С.Ю., Бисембаев А.А. Сокровища скифов Западного Казахстана. – Уральск: Полиграфсервис, 2003.
9. Сдыков М.Н., Лукпанова Я.А. Ранние кочевники Западного Казахстана (на примере комплекса Таксай I). – Уральск: Полиграфсервис, 2013.
10. Смирнов Я.И. Атлас древней серебряной и золотой посуды восточного происхождения, найденной преимущественно в пределах Российской империи. – Санкт-Петербург: Имп. Археологическая комиссия, 1900.
11. Членова Н.Л. Предыстория «торгового пути» Геродота (из Северного Причерноморья на Южный Урал) // Советская археология. 1983. № 1. – С. 47-66.
12. Яценко С.А. Костюм древней Евразии (ираноязычные народы). – Москва: Восточная литература, 2006.
13. Яценко С.А. Враги из Средней Азии в искусстве империи Ахеменидов // Вопросы археологии Казахстана. Вып. 3. – Алматы, 2011. – С. 495-510.
14. Яценко С.А. Китай, Фергана, Кангюй и сарматы в торговле рубежа н.э. – середины III в. н.э. // Проблемы археологии Восточной Европы и Дальнего Востока. Материалы XII международной археологической конференции / Отв. ред. Е.В. Вдовченков. – Ростов-на-Дону, Таганрог: изд-во ЮФУ, 2017. – С. 256-277.
15. Tourovets A., 2001. Délégations de l'escalier est de l'Apadana (Persépolis) // Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan. Bd. 33. – Berlin, 2001. – S. 226-253.
16. Yatsenko S.A. Costume Contacts of the Central Asia // Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan. Bd. 42. – Berlin, 2010. – S. 47-52.
17. Yatsenko S.A. Kangju, Chinese and Khwarezmian Trade and Gifts in Nomadic Societies of the 1st c. BCE – 3rd c. CE // Acta Eurasiatica. Vol. 2. – Warszawa: Warsaw University, 2019 (In print).

SOURCES

1. Harper P.O., Aruz J., Tallon F. (eds.). *The Royal City of Susa. Ancient Near Eastern Treasures in the Louvre*. New York, Metropolitan Museum of Art, 1992.
2. Ivanov A.A., Lukonin V.G., Smesova L.S. *Iuvenirnye izdeliia Vostoka. Drevnii, srednevekovyi periody. Kolleksiia Osoboy kladovoi Otdela Vostoka Gosudarstvennogo Ermitazha* [Jewelry Wares of the East. The Ancient and Medieval Periods. Collection of the Special Storeroom of the East Department of the State Hermitage]. Moscow, Iskusstvo, 1984.
3. Kuzeev R.G. and M.B. Piotrovsky (red.). *Zolotyie oleni Evrazii* [Golden Deers of Eurasia]. Saint Petersburg, Slavia, 2002.

S.A. Yatsenko *Artifacts of Jewelry Art of Achaemenian Iran in the Nomadic World:
Composition and the Circumstances of Getting*

4. Piotrovsky M.B. (red.). *Iran v Ermitazhe. Formirovanie kollektzii. Katalog vystavki* [Iran in Hermitage Museum. The Formation of Collections. Exhibition Catalogue]. Saint Petersburg, Slavia, 2004.
5. Piotrovsky M.B. (red.). *Mir kochevnikov iz arheologicheskikh kollektzii Gosudarstvennogo Ermitazha* [The Nomad World from the Archaeological Collections of the State Hermitage Museum]. Saint Petersburg, Slavia, 2013.
6. Popescu G.A., Alekseev A., Piotrovskij Ju. (eds.). *Siberia. Gli uomini dei fiumi ghiacciati*. Milano, Electa, 2001.
7. Reeder E.D. (director). *L'or der rois Scythes*. Paris, Réunion des Musées nationaux, 2001.

REFERENCES

1. Altynbekov K. *Vosrozhdeniia iz pepla. Rekonstruktsiia po materialam pogrebeniia zhritsy iz kompleksa Toksai I* [Reborn from the Ashes. The Reconstruction on the Grave Materials of Woman-Priest of Taksai I Complex]. Almaty, Ostrov Krym, 2013.
2. Chlenova N.L. *Predystoriia "torgovogo puti" Gerodota (iz Severnogo Prichernomoria na Iuzhyi Ural) (Pre-History of the "Trade Road" of Herodotus (from the Northern Black Sea Coast to South Ural))* in *Sovetskaia arheologiia* [Soviet Archaeology]. 1983. No 1, Pp. 47-66.
3. Korolkova E.F. *Vlastiteli stepei* [the Rulers of Steppes]. Saint Petersburg, Gos. Ermitazh, 2006.
4. Orbeli I.A., Trever K.V. *Sasanidskii metal. Khudozhestvennye predmety iz zolota, serebra i bronzy* [Sasanian Metal. The Artistic Wares from Gold, Silver and Bronze]. Moscow, Leningrad, Academia, 1935.
5. Rudenko S.I. *Sibirskaia Kolleksiia Petra I* [Siberian Collection of Peter I] (Cvod arheologicheskikh istochnikov. Vol. D3-9) (The Compendium of Archeological Sources. Vol. D3-9). Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR, 1962.
6. Sdykov M.N., Gutsalov S.Yu., Bisembaev A.A. *Sokrovishcha skifov Zapadnogo Kazarhstana* [Treasures of the West Kazakhstan Scythians]. Uralsk, Poligrafservis, 2003.
7. Sdykov M.N., Lukpanova Ya.A. *Rannie kochevniki Zapadnogo Kazakhstana (na primere kompleksa Toksai I)* [Early Nomads of the Western Kazakhstan (on the Materials of Taksai I Complex)]. Uralsk, Poligrafservis, 2013.
8. Smirnov Ya. I. *Atals drevnei serebianoi i zolotoi posudy vostochnogo proiskhozhdeniia, naidennoi preimushchestvenno v predelakh Rossiiskoi imperii* [Atlas of the Ancient Silver and Golden Vessels of the Eastern Origin Founded Mainly within the Borders of Russian Empire]. Saint Petersburg, Imperial Archaeological Commission, 1900.
9. Tourovets A. *Délégations de l'escalier est de l'Apadana (Persépolis)* in *Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan*. Bd. 33. Berlin, 2001, S. 226-253.
10. Treister M.Yu and Yablonsky L.T. (red.). *Vliianiia akhemenidskoi kul'tury v Iuzhnom Priuralie (V-III vv. do n.e.* [The Influences of Achaemenid Culture in the South Ural Region (the 5th-3rd cc. BCE)]. Vol. 2. Moscow, Taus, 2012.
11. Vertienko A.N. *Sarmatskie tseremonil'nye kinzhaly v kontexte iranskikh predstavlenii* [Sarmatian Ceremonial Daggers in the Context of Iranian Ideas] in *Drevnie kul'ty, obryady i ritualy: pamiatniki i praktiki* [The Ancient Cults, Ceremonies and Rituals: Monuments and Practices]. Red. E.P. Tokareva. Zimovniki, Zimovnikovskii Muzei, 2015. Pp. 184-193.
12. Yatsenko S.A. *Kostyum drevnei Evrazii (iranoyazychnye narody)* [Costume of the Ancient Eurasia (the Iranian-Speaking Peoples)]. Moscow, Vostochnaya literatura, 2006.
13. Yatsenko S.A. *Costume Contacts of the Central Asia* in *Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan*. Bd. 42. Berlin, 2010. S. 47-52.
14. Yatsenko S.A. *Vragi iz Srednei Azii v iskusstve imperii Akhemenidov* [Enemies from the Central Asia in the Art of Achaemenian Empire] in *Voprosy arheologii Kazakhstana* [Problems of Archaeology of Kazakhstan]. Vol. 3. Almaty, 2011, Pp. 495-510.
15. Yatsenko S.A. *Kitai, Fergana, Kangiui i sarmaty v torgovle rubezha n.e. – serediny III v. n.e.* [China, Kangju and Sarmatians in the Trade of the Turn of Erae – the middle 3rd c. CE] in *Problemy arheologii Vostochnoi Evropy i Dal'nego Vostoka. Materialy XII mezhdunarodnoi arheologicheskoi konferentsii*. Red. E.V. Vdovchenkov. Rostor-on-Don, Taganrog, Izdatel'stvo Iuzhnogo federal'nogo universiteta, 2017, Pp. 256-277.
16. Yatsenko S.A. *Kangju, Chinese and Khwarezmian Trade and Gifts in Nomadic Societies of the 1st c. BCE – 3rd c. CE*. In *Acta Eurasiatica*. Vol. 2. Warszawa, Warsaw University, 2019 (In print).
17. Zavitukhina M.P. *Petr I i Sibirskaia kolleksiia Kunstkamery* [Peter I and the Siberian Collection of Kunstkamera] in *Iz istorii petorvskikh kollektzii* [On the History of Peter I collections]. Red. N.V. Kaliagina. Saint Petersburg, Gos. Ermitazh, 2000. Pp. 14-26.